

СОБРАНИЕ ЛУЧШИХ ДЕТЕКТИВНЫХ ИСТОРИЙ

HISTORY

АСТОНА

ДОНЦОВА

NEW

Анна и Сергей

ЛИТВИНОВЫ

в серии:

Мария

БРИКЕР

Владим

ВЕРБИНИНА

Екатерина

КРАСАВИНА

Наталья

АЕСОВСКАЯ

Елена

МИХАЛКОВА

Наталья

СОЛНЦЕВА

Саша

ТАРАСЕВИЧ

- [Елена Михалкова](#)

- [***](#)

Елена Михалкова

Черная кошка в белой комнате

* * *

Маша открыла дверь своим ключом, и до нее донеслись голоса из комнаты. Макар что-то размеренно объяснял, время от времени его прерывал низкий голос Сергея.

– ...потому что правилами это запрещено, – услышала она обрывок фразы перед тем, как заглянула в гостиную, где ее муж и Макар Илюшин сидели перед доской с нардами, один с напряженным выражением лица, другой с беспечным.

– Машка! – Сергей вскочил, заметив жену. – Я и не услышал, как ты вошла.

– Привет! – Она чмокнула мужа в щеку, с облегчением опустилась в кресло и вытянула ноги, уставшие от туфель. – Наконец-то я дома... Макар, ты его обыграл?

– Если бы! – отозвался тот, ухмыляясь. – Пытаюсь для начала объяснить ему правила. Как вечеринка, Маш?

Она покачала головой.

– Даже не знаю, что ответить. Я боялась худшего, но все прошло неплохо. Если не считать...

Она замолчала, глядя на доску, на которой были расставлены синие и зеленые камешки, взятые из ее вазы.

– Камешки вернем, – заторопился Сергей. – Ты не договорила. Если не считать – чего?

– Загадки, – ответила Маша, отводя взгляд от камешков. – Одной простой загадки. Ерунда, конечно, но ее никто не отгадал.

– Что за загадка? – заинтересовался Илюшин. – Кто такой маленький, серенький, на слона похож?

– Нет. – Маша невольно рассмеялась. – Кстати, кто это?

– Не скажу. Сначала твоя загадка.

– Загадка такая... – медленно протянула она. – Человек зашел в пустую комнату, держа в руке толстую тетрадь. Провел там десять минут. Затем вышел, но тетради при нем уже не было. И в комнате ее не нашли. Вопрос – где была тетрадь?

Макар с Сергеем переглянулись.

– Я думал, у тебя настоящая загадка... – разочарованно протянул Сергей. – Хочешь, я тридцать тетрадей спрячу в нашей комнате, и ты ни одну не найдешь?

– Нет, ты не понял. Комната была совершенно пустой. Только стены, и еще...

– И еще?

– И еще рулон обоев вдоль одной стены, и старый трельяж возле другой. Даже не старый, а старинный. Но в нем ничего не было, мы его тщательно осмотрели...

Маша замаялась, провела тонкими пальцами по вискам.

– Я и в самом деле не могу понять, куда можно было спрятать тетрадь в пустой комнате, – призналась она, поднимая на мужа серые глаза. – Не поверишь – думала об этом все дорогу. И не могу перестать думать до сих пор. И ведь спор-то глупый, детский...

– Значит, был спор?

– Да... Что-то вроде пари...

– Знаешь, Машка... – Сергей решительно захлопнул доску, и камешки загромыхали внутри. – Расскажи все сначала. Макар, ты не против?

– Нет, мне тоже интересно. В нарды я тебя успею обыграть.

Маша внимательно посмотрела на обоих, убедилась, что они не шутят, и сказала:

– Вечеринка была у Гроздевых. Они своеобразные люди...

Вечеринка была у Гроздевых. Их считали своеобразными людьми – конечно, исключительно из-за Алевтины Гроздевой, супруги Анатолия Ильича. Ее своеобразия хватало на двоих, и, пожалуй, даже к лучшему было, что Анатолий Ильич не претендовал на собственную оригинальность. «Моя жена вегетарианка, – любил цитировать он известный фильм, объясняя новые затеи супруги. – Это и меня в какой-то степени делает вегетарианцем. Помните, откуда это?»

Обычно никто не помнил.

Анатолий Ильич, сорокапятiletний краснолицый мужчина, массивный, как перекормленный боров, был похож на мясника. Он действительно умел и любил разделять мясо и держал в квартире для этой цели несколько качественных дорогих ножей, к которым не допускал утонченную супругу. Впрочем, Алевтина Дмитриевна и не покушалась на ножи, равно как и на разделку мяса. Она была убежденной вегетарианкой. Анатолий же Ильич в противовес любимой цитате увлечение жены вегетарианством не только не разделял, но и всячески высмеивал и по вечерам с удовольствием демонстрировал ей собственноручно пожаренные бифштексы, из которых при надрезе вытекала розоватая жидкость. Когда он, шевеля мясистыми ноздрями, водил лицом над тарелкой, изображая

экстаз, Алевтина презрительно морщилась и выходила в другую комнату. Анатолий Ильич, оставшись один, не торопясь съедал бифштекс, смакуя каждый кусочек, и не отказывал себе в удовольствии сытно рыгнуть, проходя мимо супруги. И, разумеется, извиниться с самым покаянным видом.

Роль страдалицы, вынужденной терпеть плебейские повадки супруга, Алевтина Дмитриевна играла безупречно. Номер с выходом «под бифштексы» Анатолий Ильич исполнял три раза в неделю, и три раза в неделю неподдельное искреннее удивление, сменяющееся брезгливостью, отражалось на лице его жены. А затем, когда супруг дефилировал мимо, демонстрируя всеми доступными способами удовлетворение от ужина, она утомленно прикрывала глаза на три секунды, и случись в эти три секунды рядом благодарный зритель, он оценил бы и страдальчески сведенные брови, и презрительно изогнутую нижнюю губу, и небрежный жест рукой: «Пшел вон, мужик».

Подруги деликатно сочувствовали Алевтине Дмитриевне. Но только вполголоса и только изредка, когда она сама поощряла намеком их сочувствие. Все знали, что Анатолий Ильич, бывший, как ни странно, вовсе не мясником, а партнером юридического агентства «Гроздев и Калугин», обеспечивает супругу и ее родителей, а также Алевтининого младшего брата с женой, живущих в другом городе. За это, полагали подруги, Анатолию можно простить и плебейство, и отказ исповедовать вегетарианство, и его грубоватые насмешки над супругой. К чести Алевтины стоит сказать, что она придерживалась такой же точки зрения.

Сама Алевтина Дмитриевна была женщиной утонченной. Ей нравилось, когда о ней так говорили, и для полного соответствия этому образу она постоянно сидела на диетах, добиваясь аристократической худобы. Собственно, причиной ее вегетарианства была исключительно забота о фигуре, и Анатолий Ильич, к ее большому огорчению, об этом догадывался: хотя Алевтина не оставляла попыток убедить его, что лишь переживание за животных заставляет ее отказываться от котлет, мясных супов и отбивных.

Выйдя замуж за Гроздева десять лет назад, она оставила нелюбимую работу и занялась тем, к чему у нее действительно лежала душа, – получением удовольствия от жизни. Занятие это, кажущееся на первый взгляд легким, на практике осваивают далеко не все. Но у Алевтины обнаружились способности. Она с удовольствием обустроивала квартиру, с удовольствием ухаживала за собой, с не меньшим удовольствием посещала театры, концерты и выставки и в целом вела ничем не отягощенную жизнь

обеспеченной дамы, считающей себя интеллектуалкой.

Дом был обустроен с учетом ее требований, которые Анатолий называл капризами, а сама Алевтина – необходимыми условиями для комфортной жизни. Именно из-за них ее считали оригиналкой. Алевтина терпеть не могла технику в любом виде, начиная от микроволновых печей и заканчивая компьютерами, и настаивала на том, чтобы их не было в квартире. Машину ей приходилось терпеть как меньшее из зол, и со временем она даже научилась сносно ее водить. Но огромный плазменный телевизор, уродовавший гостиную, был спрятан за вращающейся панелью, стоившей едва ли не больше, чем сам телевизор.

– Все, что работает на электричестве, оказывает отрицательное воздействие на мозг, – объясняла Алевтина любопытствующим. – Я на себе неоднократно убеждалась. Почитайте рассказ Стивена Кинга «Баллада о гибкой пуле», он очень верно об этом написал.

Алевтина Дмитриевна не любила прогресс и не раз говорила, как хорошо было жить в восемнадцатом веке, когда не существовало современного технического безумия вокруг. В этом она не была бы оригинальной, если бы не следовала в жизни некоторым правилам: никогда не летала на самолетах, предпочитая поезд либо морское путешествие, упорно избегала современных материалов, в том числе в одежде, и даже писала не шариковой ручкой, а перьевой. Служить культу утонченного эстетизма рядом с мужем, который чавкал над бифштексами, было непросто, но Алевтина Дмитриевна держалась.

– Алька – чудачка, – говорила о ней Марина, одна из двух близких ее подруг. – Но она всегда такая была. И ведь идут же ей ее чудачества!

В этом Марина была права. Алевтине – высокой, гибкой, надменно-томной – шли ее чудачества. Возможно, именно привлеченный сочетанием старинной романтичности и хватки, и женился на ней в свое время Анатолий Ильич. Он ценил в жене то, что она не играла в декаданс, а искренне старалась жить им, и, грубовато подсмеиваясь над ней, в то же время соглашался прятать ноутбук в ящик, обитый специальным материалом, экранировавшим неведомо какое излучение.

Вечеринка, на которую пригласили Машу, была посвящена двум поводам сразу – переезду Гроздовых в новую квартиру и дню рождения Алевтины. Первое для Гроздовой было куда важнее второго, потому что квартиру она подыскивала долго и тщательно. Обязательным условием был парк неподалеку – по утрам она любила гулять, во время прогулки сочиняя стихи.

Результатом ее поисков стала пятикомнатная квартира в новостройке

возле одного из больших московских парков. Новостройки Алевтина тоже не любила, но расположение дома было таким удачным, что она смирилась. Квартиру не успели толком обставить, и одна из комнат стояла совершенно пустой, но решением Анатолия Ильича вечеринку не стали переносить.

– Пока ты, дорогая, обставляешь спальню, пройдет еще полгода, – прямо сказал он супруге. – Так что созывай, кого хочешь, но сейчас. Подходящего стола на кухню нет? А мы на чем едим? Что значит старый, неподходящий? Закрой скатеркой, будет подходящий.

Алевтина закатила глаза, но спорить с мужем не стала.

Вот потому новоселье у Гроздовых отмечали в полупустой квартире, а горшки с цветами, подаренные Алевтине (срезанные цветы она не любила, считала мертвыми), ставили на все свободные поверхности. В столовой Маша пару раз задела конусовидную темно-зеленую башенку, похожую на можжевельник, и переставила ее на полку в коридоре, поборов в себе желание встать рядом и превратиться в какой-нибудь кактус, чтобы никто ее не замечал и не трогал.

С Алевтиной ее познакомила общая приятельница, и Гроздева, узнав, что Маша пишет стихи, тут же пригласила ее на новоселье. Маша не обольщалась по поводу того, что приглашение вызвано личной симпатией. Алевтина Дмитриевна хотела разбавить прозаичных гостей, большинство из которых были коллеги Анатолия Ильича, творческим человеком. «Вы же поэт, – улыбаясь, сказала она Маше. – Мне будет очень интересно поговорить с вами о поэзии, поверьте».

Маша не собиралась разговаривать с Алевтиной о поэзии, потому что терпеть не могла подобные разговоры. И сама она не считала себя поэтом. Маша писала исключительно стихи для детей, никогда не покушаясь на «взрослую» поэзию, но Алевтина не сочла нужным принять это во внимание. Пишет стихи? Пишет. Значит, поэт!

Маша сама не заметила, в какой момент ее так взяли в оборот утонченными руками, что отказаться стало невозможным, и вот неделю спустя была вынуждена улыбаться и делать «поэтическое лицо» перед гостями, сплошь незнакомыми, а также поддерживать интеллектуальную беседу.

Приглашенная компания быстро разбилась на две части. Во главе одной были Алевтина и Анатолий, в другой заразительно смеялся и рассыпал вокруг себя шутки бывший партнер Гроздева, оставивший совместное дело пару месяцев назад, чтобы начать собственный бизнес, – Павел Калугин. Он был высокий, синеглазый, шумный, единственный из мужчин не в костюме, а в свободной рубашке навыпуск. Было в нем что-то

пиратское. Маша мысленно закрыла Калугину левый глаз повязкой, посадила крикливого попугая ему на плечо и осталась довольна увиденным.

Уйдя из фирмы, Калугин отношений с Анатолием не испортил, и потому напряженности между ними не наблюдалось. Скорее уж, заметила Маша, она чувствовалась между супругами Гроздевыми. Высокая Алевтина в шелковом синем платье, прекрасно сидевшем на ее худощавой фигуре, ходила следом за мужем. А тот, переходя из комнаты в комнату, иронически комментировал затеи супруги «по декораторской части». В маленькой проходной комнатке, которую в будущем планировали использовать под библиотеку, он остановился над коробкой, в которой лежали книги и тетради, достал одну из них, начал о чем-то спорить с Алевтиной, которую поведение супруга окончательно вывело из себя...

И вот тут-то все и произошло.

Павел Калугин, к тому моменту дурачившийся вместе с остальной компанией, забежал в будущую библиотеку, быстро огляделся, с преувеличенным поклоном выхватил из рук Анатолия тетрадь и бросился, хохоча, удирать по коридору. Остальная компания с восторгом подхватила забаву, потому что разговоры Алевтины о поэзии сквозь сжатые зубы изрядно утомили изысканное общество. Общество, улюлюкая и свистя, помчалось догонять Калугина, благо в полупустых комнатах можно было не опасаться разбить ценную вазу или опрокинуть хрупкий стеклянный шкафчик.

– Маринка, загоняй его в библиотеку!

– Коля, слева, слева заходи!

– Ату его! Ату!

Спрятавшись в одной из комнат и переждав, пока вся компания проскочит мимо, Калугин пробежал по коридору обратно – мимо слегка опешившей Маши – и сшиб локтем переставленный ею цветок-башенку. Почти догнавшему его мужу Марины пришлось затормозить, на него налетели остальные, и в коридоре образовалась куча-мала.

– Не обращайтесь на них внимания, – посоветовала Алевтина Маше, выходя в коридор. – Павел у нас – носитель вируса коллективного безумия. Кстати, куда он делся?

– Пусть тетрадь отдаст! – прогремел Анатолий, тщетно пытаясь перешагнуть через сидящих на полу людей. – Что за шутки?

«Пират» обнаружился возле закрытой двери. Прислонившись к стене, он небрежно помахивал тетрадью, на обложке которой была нарисована черная кошка. Дождавшись, пока все соберутся рядом, он объявил:

– Предлагаю пари! Давайте спорить, что я за пять минут спрячу тетрадь в комнате так, что вы ее не найдете! Нет, не за пять – за десять!

Пухлая маленькая Вика, приятельница Алевтины, подошла к двери, заглянула в комнату.

– Здесь почти ничего нет! – Голос ее гулко отдавался от стен. – Просто белая комната. Только трельяж какой-то старый.

– Не старый, а старинный, – возразила недовольно Алевтина. – Я все хочу его отреставрировать, да не успеваю.

Павел осторожно оттеснил Вику от двери.

– Не подглядывать! У меня есть одно место на примете, не хочу, чтобы его обнаружили раньше времени. Десять минут, все помнят?

Анатолий оценивающим взглядом окинул тетрадь, которую Калугин держал над головой.

– Некуда ее прятать, – уверенно сказал он.

– Ничего, я попробую.

– Рискнешь сотней?

– Сотней? Маловато. Давай на триста.

Гроздев довольно хохотнул, качнул лобастой головой.

– Сделаю я тебя, Павлуша, на триста зеленых. Может, передумаешь?

– Кто кого сделает – большой вопрос! Про десять минут не забыл, нет?

– А искать могут все?

– Те, кто согласится на пари.

Калугин усмехнулся, глядя на недоверчивое лицо бывшего партнера, обдумывавшего, где же в его предложении подвох. Комнату Анатолий помнил и был уверен, что толстую общую тетрадь в ней спрятать негде.

– А мы ведь тебя обыщем, когда ты выйдешь, – протянул он.

– Да пожалуйста.

Догадка о том, что собирается сделать с тетрадью Павел, мелькнула на лице Гроздева, и он подавил усмешку. «Думаешь, Пашка, что всех перехитришь?»

– Согласен, – решительно сказал он.

– И я тоже! – подал голос веселый кругленький человечек с не подходящим ему именем Рудольф.

– А дамы могут принять участие в пари?

– Разумеется, Оленька, зачем спрашивать?

– Тогда и я хочу!

– И я! Люблю искать спрятанное.

– Натренировались, наверное, на супруге – да, Ксения Ильинична?

– Ну тебя, Рудик! А ты ему не поддакивай!

Маша с улыбкой смотрела, как разгоряченные от выпивки и бега мужчины один за другим подключаются к пари, предложенному «пиратом». Женщины раздумывали дольше, но, в конце концов, двое согласились.

– По рукам! – объявил Павел. – Итак, господа, засекайте время! И не вздумайте подсматривать!

Он уже собирался скрыться за дверью, но тут Анатолий, подмигнув Маше, шагнул к нему и придержал дверь рукой.

– Не торопись, Павлуша! Сначала мне нужно кое-что включить...

Он быстрыми шагами подошел к подоконнику и почти сразу вернулся обратно. Плотно захлопнул дверь, и изнутри донесся тихий писк, быстро оборвавшийся. Анатолий расхохотался, не сдерживаясь и не беспокоясь о том, что его голос слышен в комнате.

– Что смешного? – нахмурившись, спросила Алевтина.

– Да то, что Пашка наверняка решил тетрадь из окна выкинуть. Окна-то на парк выходят, он думает, никто ее потом не найдет между деревьев. Потому и торопился – боялся, что мы кого-нибудь вниз отправим, под окна.

– Нечестно!

– Да, так не договаривались. Надо ему сказать, что это будет считаться проигрышем.

– А то он сам не знает!

– Давайте его с поличным поймем, когда он станет тетрадь бросать.

– Не успеем.

– Спокойно, спокойно. – Гроздев вытер с красного лица выступившие капельки пота. – Не нужно лишней суеты. Все предусмотрено заранее.

– В каком смысле?

– В таком, что в комнате – сигнализация. Я ее только что включил.

– Отключит!

– Тем более она на открывание окон изнутри не сработает.

– Нет, детки, вы не поняли, – очень довольным голосом пояснил Анатолий. – Эту сигнализацию так просто не отключить. И срабатывает она не просто на размыкание створок окон, а на изменение давления воздуха в комнате. Так что стоит нашему Павлуше открыть окошко или дверь, как она тут же заверещит диким голосом.

– Аля, как ты на это согласилась? – удивленно спросила Марина. – Техника! В твоём доме!

– Временная мера, – поморщилась та. – К тому же вопрос безопасности для меня важен. Не забывай – второй этаж, ловкий вор может легко сюда залезть. А решетки поставить пока не успели.

– Господа, время-то идет! – напомнил кто-то. – Осталось пять минут!
– Предлагаю пока решить, кто первый начнет искать.
– И кому, получается, достанутся триста долларов просто так? Не согласна!
– Нет уж, давайте договоримся....

– А дальше все было просто, – сказала Маша внимательно слушавшим Макару и Сергею. – Они быстро решили, кто будет искать первым, и, после того, как Павел вышел и выключили сработавшую сигнализацию, начали обыскивать комнату все по очереди.

– То есть первый ничего не нашел?
– Никто ничего не нашел. Время поисков тоже сократили до десяти минут и через час пошли искать все вместе.

Маша вспомнила, какие недоумевающие лица были у гостей, когда один за другим они выходили из комнаты и разводили руками. В конце концов, увлекшись поисками, они осмотрели всю комнату, прощупывая каждый дюйм белых рифленых обоев, похожих на песчаный берег, с которого откатилась волна. Тетради не было.

– Забавно, – сказал Макар.
– Машка, что было в комнате?
– Оставшийся после ремонта рулон обоев, – повторила Маша, – и древний трельяж.
– Зеркала в трельяже целы? – заинтересовался Илюшин.
– Да. Все три. Только они очень старые, с разводами, и на левом зеркале трещина.

– А что внутри? – спросил Сергей, доставая из ящика тетрадь и карандаш.

– На полочке за правым зеркалом – духи. Два флакона. Алевтина сказала, что не пользуется ими, а потому поставила в первое попавшееся место. На самом трельяже лежала книжка, Пауло Коэльо, а за левым зеркалом стояла маленькая шкатулка с кольцами Алевтины и валялась старая визитница.

– В выдвижных ящиках?
– Ничего не было. Так же, как и за дверцами нижнего отделения.
– Нарисуй, пожалуйста, план комнаты и покажи, где что стояло, – попросил Сергей, протягивая жене тетрадь и карандаш.

Хмыкнув, Маша изобразила неровный прямоугольник. По двум меньшим сторонам расположились окно и дверь, в углу – конус, подписанный «рулон», по правой длинной стене – маленький квадрат,

разделенный на три части и изображавший трельяж.

– И все? – усомнился Сергей.

– Нет, еще кое-что забыла! На подоконнике стоял небольшой серебристый ящик. Кажется, Анатолий называл его датчиком объема воздуха. Он объяснял, что из-за него Павел не сможет открыть окно.

– Правильно объяснял. Значит, тот и не открывал?

– Во всяком случае, датчик не срабатывал.

– Глупо спрашивать, раскатывали ли рулон, – вмешался Макар.

– Четыре раза, – подтвердила Маша. – И осматривали с двух сторон. И даже отрезали кусок.

– Отрезали-то зачем?

– Кто-то предположил, что обои – двойные и в середину можно было спрятать вырванные из тетради листы.

– Ерунда.

– Когда отрезали, то убедились, что ерунда, – кивнула она.

– Значит, двадцать человек искали тетрадь в пустой комнате, и никто не смог найти, – протянул Сергей. – Подумаем, подумаем... Под подоконником смотрели?

Маша укоризненно взглянула на него.

– Сережа, мы обшарили всю комнату, – отдельно сказала она. – Разве что не разобрали несчастный трельяж. Убедились в том, что в датчике нельзя было ничего спрятать. Ощупали каждую паркетную доску. Обхлопали стены. Открыли окно, чтобы послушать, как вопит датчик.

– А дверь простучали?

– Простучали.

– А книжку пролистали?

– Пролистали.

– А мужика-то хорошо обыскали? – вспомнил Макар.

– Ага. Даже заставили его снять ботинки. Хотя тетрадка была толстая и в ботинках он никак не смог бы ее спрятать. Да и не влезла бы она.

Сергей с Илюшиным переглянулись.

– Под плинтусом? – неуверенно предположил первый.

Макар покачал головой.

Сергей вскочил, принес общую тетрадь и положил перед собой. Все трое уставились на обложку, на которой была нарисована бодрого вида лошадь с крыльями.

– На всякий случай скажу, что плинтус тоже осмотрели, – уныло сказала Маша, глядя на ухмыляющуюся лошадь. – А подоконник изучили сверху и снизу. Представляю, как все до сих пор мучаются. И тетрадь

пропала...

– Подожди... – Макар нахмурился. – То есть этот тип ее не вернул?

– В том-то и дело, что нет. Тип сбежал.

– Как – сбежал? – хором спросили Илюшин и Сергей.

– А вот так. Сначала он стоял рядом со всеми, загадочно улыбался и подшучивал, а потом сказал что-то вроде «ну, ребята, это у вас надолго», и ушел. Поначалу никто даже и не заметил. Уже потом вспомнили, когда стали его искать, чтобы спросить, где же тетрадь.

Сразу двое принялись звонить Калугину по телефону, но он не отвечал. Все дружно развели руками, переглянулись и с чувством, что их оставили в дураках без всякой компенсации, принялись доедать остатки с фуршетного стола.

– Но что-то я не заметила, чтобы кто-нибудь из них ел с аппетитом, – сказала Маша. – Несколько самых упорных еще раз проверили комнату. И ничего не нашли, конечно же. Поэтому, когда мы расходились, настроение у всех было такое... странное. Как будто нам рассказали только половину шутки, и мы уже начали смеяться, хотя вся соль шутки во второй половине.

Сергей встал, потянулся, посмотрел на чертеж комнаты и покачал головой:

– Ставлю на трельяж. Методом исключения получаем, что больше тетради быть негде. Второе дно у одного из ящичков, или какой-нибудь хитрый фокус с зеркалами...

– Чтобы сделать хитрый фокус с зеркалами, они должны быть расставлены особенным образом, – напомнил Макар. – Что касается второго дна, думаю, хоть один из двадцати искавших сообразил бы проверить ящички.

– Проверили, конечно, – кивнула Маша. – Трельяж отодвинули от стены, обнюхали сверху, снизу и сбоку.

– Ты сама сказала, что он старинный. Значит, вполне может быть с секретом. Интересно было бы на него посмотреть...

– А мне интересно посмотреть на того, кто спрятал тетрадь, – неожиданно сказал Макар. – Калугин, да? Зачем человек сбегает незадолго до мгновения своего триумфа? Ведь он выиграл пари, должен был получить деньги... А он исчезает, причем не отвечает на звонки. Вот это гораздо интереснее, чем старинный трельяж, в котором якобы имеются потайные ящички.

– Чем же интереснее? – спросил уязвленный Сергей.

Макар помолчал, разглядывая план комнаты, затем задумчиво сказал:

– В любой истории нужно отталкиваться не от предметов, а от людей.

Быстрее найдешь ответ. Если мы перебрали все предметы в комнате и не нашли, куда можно спрятать тетрадь, значит, нужно перебрать людей.

– Здесь я не могу помочь, – развела руками Маша. – Я их всех впервые видела, кроме Алевтины и ее подруги Марины, которая нас познакомила.

– Но ты – сценарист. Тебе нравится наблюдать за людьми, ты придумываешь им образы, фантазируешь, сама не замечая этого. Помнишь, ты рассказывала, как мысленно пририсовала Калугину повязку пирата? А с другими гостями ты проделывала что-нибудь подобное?

– Нацепила вуаль Алевтине, – чуть смутившись, призналась Маша. – Ей она очень пошла. Но Алевтина – не гость...

– Неважно. Ее супруг?

– Дровосек.

Сергей хмыкнул, Макар понимающе кивнул.

– Остальных я не придумывала, – извиняющимся тоном сказала Маша. – Только этих. Как-то само собой получилось.

– Просто они были самыми яркими, – предположил ее муж. – Но я до сих пор не понимаю, чем это может помочь.

– Может быть, и ничем... – пробормотал Макар. – Может быть, может быть...

Он посмотрел сквозь Машу и вдруг усмехнулся:

– А ведь дело-то получается куда интереснее, чем мне показалось вначале. Действительно, хорошая загадка. Маленький, серенький, на слона похож...

– Ты так и не сказал, кто это, – напомнил Сергей. – Заяц?

– Нет, не заяц.

– Червяк?

– А почему тогда серенький?

– Умер.

– Нет, не червяк. К тому же мы решаем не эту загадку, а ту, которую загадал господин Калугин, спрятав черную кошку в белой комнате.

Илюшин легко вскочил, прошелся по комнате до окна и обратно, остановился над Сергеем, растянувшимся на ковре.

– Итак... Человек решает поиграть и берет тетрадь, с которой бежит к единственной комнате, где совершенно нет мебели. И вообще ничего нет. Через десять минут он выходит оттуда без тетради. Ждет, пока начнутся поиски, и уходит. Добавим к условиям, что выкинуть тетрадь из окна он не мог. И вынести на себе, очевидно, тоже.

– Говорю же, в трельяже спрятал, – пробурчал с пола Бабкин, открывая доску и начиная выкладывать на ковре рисунок из зеленых и синих

стеклянных камешков. – Или под паркетом.

– А я говорю, что мы осматривали трельяж и паркет! – подала из кресла голос Маша, зарыв пальцы в длинные рыжие волосы. – Ну не было там тетради, не было!

– Плохо искали!

– Хорошо!

– Мы делаем ту же ошибку, которую делали до нас, – перебил их Макар. – Идем по тому же следу. Только у искавших было то преимущество, что они находились, так сказать, на месте событий. А мы далеко от него и не можем проверить возникающие идеи вроде потайного ящика в трельяже или крысиной норки под плинтусом.

– А у нас может быть другой след? – усомнился Сергей.

– Да. Например, тот, который ведет *обратно*.

Маша подняла голову и уставилась на Макара, Сергей перевернулся на спину, глядя на приятеля снизу вверх.

– Что значит – обратно? – спросил он. – В каком смысле?

– Представь себе, мой недогадливый друг, белку, которая бежит с орехом в лапах. Подбегает к дуплу, ныряет в него, выскакивает и удирает уже без ореха. Мы начали искать орех с того момента, как белка остановилась возле дерева. Правильно?

– Правильно. А при чем тут...

– Подожди. Но если идти по беличьему следу обратно, то сначала мы придем к тому месту, где она взяла орех. А потом уйдем в глубь леса – туда, откуда она прибежала. Понимаешь? С той точки, откуда начались поиски, след ведет в две стороны, а искали только с одной.

– Разумеется, с одной. Потому что нам нужно идти в определенном направлении, куда ведет след к дуплу.

Макар покачал головой.

– На первый взгляд – да. Но во всей этой загадке есть что-то такое, что делает ее не такой простой, как кажется на первый взгляд. Я только пока не понял, что именно.

Он уселся на ковер, скрестив ноги по-турецки, и сгреб в кучку стеклянные камешки, разложенные Сергеем в блестящую дорожку.

– Мы не знаем, кем раньше работал Калугин, – подала голос Маша. – Может быть, он имел дело с техникой вроде того датчика, который стоял на подоконнике, и просто отключил его. Это кажется мне более правдоподобным, чем потайной ящик или фокусы с зеркалами.

Илюшин покачал головой.

– Ты сама сказала, что Калугин и хозяин дома были партнерами по

бизнесу. В таком случае с большой долей вероятности Гроздев знал, чем раньше занимался его партнер, и не был бы так уверен в том, что тот выкинет тетрадь в окно, отключив датчик. Твоя загадка, Маш, нравится мне все больше и больше.

Он подумал и прибавил:

– Ты можешь вспомнить подробнее, что было до того, как Калугин объявил о споре?

– С какого момента?

– С того, когда он выхватил тетрадь. Кстати, а почему именно тетрадь, а не что-то другое?

Маша нахмурилась, вспоминая.

– Это получилось как-то само собой. Алевтина и Гроздев спорили в маленькой комнате, она поначалу попыталась отобрать у него тетрадь, но он ее не отдал. Хотел зачитать гостям вслух какие-то стихи из тетради, которые она писала в юности. А в соседней комнате дурачились остальные вместе с Калугиным. Затем он что-то крикнул, кажется «догоняйте», и вбежал к нам.

– А ты где стояла?

– В дверях. Я стала выходить, когда...

Маша остановилась.

– Когда что? – нетерпеливо спросил Макар.

– Когда мне совсем перестало нравиться происходящее между Алевтиной и ее мужем, – чуть удивленно ответила та, осознав реальную причину своего ухода. – Он хотел зачитать всем стихи, которые она придумывала еще девчонкой, а я очень не люблю такое грубое выставление напоказ чужих секретов. И видно было, что он настаивает на своем, прочитает. Вокруг них собралось человек шесть, и все с нетерпением ожидали, чем все разрешится.

– Но тут вбежал Калугин и испортил хозяину удовольствие от издевательства над женой, – заметил Сергей. – Так?

– Так. А потом он побежал по коридору, а остальные – за ним. Чуть меня не смели. Я вжалась в стенку, а Павел второй раз пробежал с тетрадкой мимо меня, уже обратно, и уронил горшок с цветком. Большой такой горшок... Правда, он не разбился. И всем пришлось остановиться, пока они поднимали цветок и убирали просыпавшуюся землю.

– Почему цветок стоял в коридоре, а не на окне? – спросил Макар. – Там светло?

– Нет, там для него темно, но это я его переставила. – Маша недоуменно посмотрела на него. – Там, где горшок поначалу стоял, его чуть

не опрокинули, а полка в коридоре была свободна. Вот я и задвинула его в глубь полки, чтобы никто случайно...

Она замолчала, потому что Макар стукнул одним камешком о другой.

– Ты задвинула его в глубь полки? – переспросил он.

– Да, – чуть растерянно отозвалась Маша, вспоминая, что намеренно выбирала место для можжевельниковой башенки там, где ее точно никто не уронит. – Подождите! Но как же тогда...

– Вот именно, – сказал Илюшин. – «Как же тогда».

– Значит, нарочно, – пробасил Сергей, поняв, о чем они говорят. – Или, выражаясь официальным языком, умышленно.

– Получается, что да. Маш, ты можешь вспомнить точно...

– Не мог он задеть куст случайно, – сказала Маша, не дослушав Илюшина и мысленно прокручивая перед глазами побег Калугина. – Только нарочно дернув локтем в сторону полки.

– Отлично! Чего добился господин Калугин, уронив горшок с растением?

– Выигрыша во времени, – в тон ему отозвался Бабкин. – Это несколько меняет дело. Машка, куда этот хитрый товарищ потом подался?

– Не знаю. Все столпились возле цветка, и пару минут его никто не догонял.

– Пару минут?

– Может быть, и меньше.

Макар взял синий камешек, покатав его в ладони.

– Не очень понимаю, что можно успеть сделать за полторы минуты, – признался он. – Отключить датчик? Вряд ли. И ведь зачем-то ему нужны были потом десять минут в пустой комнате...

– Поставим вопрос иначе, – предложил Сергей. – Где он мог быть в те полторы минуты, на которые задержал остальных гостей?

– Это просто, – оживилась Маша. – Из этой части коридора был вход в три комнаты – одна из них белая, а две другие – гостевая спальня и личный кабинет Алевтины.

– Зачем ей личный кабинет? Что в нем?

– Ничего особенного. Обычная комната в синих тонах. Алевтина сказала, что она уходит туда, когда хочет спокойно посидеть с книжкой, потому что эта комната наиболее удалена от гостиной, в которой Анатолий любит включать телевизор на большую громкость. И там нет никаких бытовых приборов, кроме осветительных.

– Никаких бытовых приборов.... – пробубнил Сергей, уцепившись за эту фразу. – Никаких бытовых приборов... А что, если там стоял второй

датчик давления, отключенный, и наш пират схватил его, перетащил в белую комнату, датчик из белой комнаты вернул в кабинет хозяйки, а потом изобразил...

Он осекся, поймав насмешливый взгляд Макара.

– Ладно, ерунда, – нехотя согласился Сергей. – Но, черт возьми, куда же еще можно было спрятать тетрадь в пустой комнате? Нет, все-таки секрет в трельяже.

– Ага, – подтвердила Маша. – Под книжкой Коэльо находилась потайная кнопка, которая открывала дверь в соседний кабинет. Не зря книжку оставили на трельяже. Казалось бы, кто станет читать сказочника Коэльо в пустой комнате, где даже не на что сесть? Вот в этом и заключается разгадка – читать его никто не собирался! Он нужен был только для того, чтобы...

Илюшин медленно стал подниматься с ковра, не сводя глаз с камешков.

– Макар, ты что?

– У него должен быть хвост, – отчетливо сказал Илюшин.

– Что?

– Хвост. И тогда это все объясняет. Если у него нет хвоста, я признаю себя полным дураком, ничего не понимающим в логике других людей. Потому что иных вариантов у меня нет.

Сергей уже собирался пошутить на тему плавающих мозгов, но Маша неожиданно поняла.

– Хвост! – ошеломленно повторила она. – Да, есть у него хвост! Макар, как ты догадался?!

– Вы о чем?! – взмолился Бабкин, переводя взгляд с жены на Илюшина. – У кого хвост? Была собака? Кошка?

– Не было никакой собаки! А хвост был у Калугина!

– Так я и думал, – с облегчением кивнул Макар. – Очевидно же, что у нашего пирата должны быть длинные волосы. Вот я и предположил, что они будут убраны в хвост.

Он усмехнулся, покачал головой и прошелся по комнате.

– Ты хочешь сказать, он спрятал тетрадь в волосы? – недоверчиво сказал Сергей. – Не может быть.

– Не может, конечно. Он не прятал тетрадь в волосы.

– Тогда где она, черт возьми?!

– И при чем тут его волосы?

Илюшин посмотрел на наклонившихся к нему в нетерпеливом ожидании Машу и Сергея и сказал:

– А это, друзья мои, довольно занимательная история. Которая сама по себе гораздо интереснее, чем вопрос, как можно спрятать черную кошку в белой комнате.

– При чем тут история? – рявкнул Сергей.

– При том же, при чем и старая детская загадка. Маленький, серенький, на слона похож... Ответ очень простой, напрашивающийся сам. Именно поэтому дети отгадывают ее чаще, чем взрослые. И здесь ответ напрашивался сам собой. Если никто не нашел в комнате тетрадь, значит, ее там не было.

– Что?! – не поверила Маша. – Как это не было?!

Сергей поначалу опешил, затем открыл рот, чтобы возмутиться, но посмотрел на уверенное лицо Илюшина и передумал.

– Не было, значит... – Он тяжело вздохнул. – Ладно. О чем тогда твоя история?

– О мужчине и женщине, разумеется. Как всегда. Вся наша загадка – вовсе не загадка о хорошо спрятанной тетради, а история о банальном любовном треугольнике, в котором один человек вызывает мое искреннее восхищение.

– Калугин, – утвердительно проговорил Сергей.

– Да. Нельзя сомневаться в том, что у него отличная реакция. Он шумит и дурачится в комнате и в то же время слышит начинающийся за соседней дверью семейный скандал. Впрочем, Алевтина Гроздева никогда бы не устроила прилюдного скандала – она для этого слишком хорошо воспитана. Но он понял из обрывочных реплик, что сейчас ее супруг откроет тетрадь и прочитает то, чего читать ни в коем случае не должен. И тогда наш пират забегает в комнату, выхватывает тетрадь из рук бывшего партнера и убегает с ней.

– И куда же он ее потом прячет?

– Хороший вопрос. Самым простым решением для него было бы убежать из квартиры. Но тогда не избежать подозрений. И за несколько секунд он придумывает отличный план – говорю вам, у него блестящая реакция! Калугин опрокидывает горшок с цветком, задерживая преследователей на короткое время. Но ему и не нужно много – за полторы минуты он успевает забежать в кабинет Алевтины, а затем...

Илюшин замолчал. Маша с Сергеем, затаив дыхание, ждали продолжения.

– Что – затем? – не выдержала Маша. – Макар, да говори же!

– А затем отрывает обложку от тетради, – пожав плечами, сказал тот. – Это ведь очень просто – оторвать бумажную обложку от общей тетради. А

обложка была именно бумажная, потому что ты, Маш, сказала, что на ней была нарисована черная кошка.

Сергей изумленно присвистнул.

– Итак, он отрывает обложку и прячет тетрадь... не знаю, где он ее прячет. Это для него не имеет значения – главное, чтобы содержимое не попало никому на глаза. Затем он хватает со стола или с полки подходящую книгу – это оказался Коэльо – и вставляет ее между листами обложки, держа их так, чтобы не было видно, что внутри – книга. Ему нужна была относительно тонкая книга небольшого формата, а Коэльо издается именно в маленьком формате. Дальше, как выражается Сергей, дело техники. Калугин останавливается возле двери в белую комнату, предлагает всем собравшимся дурацкое, заведомо проигрышное пари и провоцирует самоуверенного Гроздева на то, чтобы заключить его. Тот уверен, что Калугин собирается выкинуть тетрадь в окно, и легко соглашается. Все ждут десять минут, и за это время наш пират бросает книгу на трельяж – затем он и выгнал любопытствующих, чтобы никто не запомнил, была ли на трельяже книга, – и прячет обложку от тетради, на которой нарисована черная кошка. Спрятать обложку нужно очень тщательно, а его будут обыскивать, и я никак не мог сообразить, что же придумал Калугин, пока не вспомнил, что Маша назвала его пиратом.

– При чем здесь это?

– Не так давно в кинотеатрах показывали фильм, в котором главными героями были пираты. И у половины из них, разумеется, были серьги в ушах и волосы, собранные на затылке в хвост. В серьгу спрятать обложку нельзя, а вот в хвост – можно. Я уверен, что именно это и сделал Калугин.

Маша, издав невнятный звук, вскочила из своего кресла, вышла из комнаты и вернулась спустя полминуты с обложкой от старой тетради сына. Быстро свернув ее в тонкую трубочку и сложив вдвое, она перекинула волосы вперед, наклонив голову, и перехватила их резинкой.

– Можешь не стараться, – прокомментировал Сергей. – В твоих волосах книжку можно спрятать.

Маша откинула голову назад, помотала ею в разные стороны.

– Видно?

– Нет, – хором ответили ее муж и Илюшин.

– И я уверен, что никому не пришло в голову осматривать волосы Калугина, – добавил Макар.

– Нет, конечно, нет. Я помню, что его заставили снять ботинки, но никто и не подумал о волосах.

– На это он и рассчитывал. После того как первый из спорщиков зашел

в комнату, Калугин выждал некоторое время, а затем ушел по-английски. Разумеется, прихватив с собой тетрадь. Теперь он спокойно мог это сделать, потому что отвлек внимание всех отличным способом. Думаю, господин Калугин даже посмеивался про себя, потому что видел некую иронию в том, что двадцать человек будут искать один предмет, вовсе не понимая, зачем они ищут его на самом деле.

– Пусть так... – проговорила несколько ошеломленная его выводами Маша. – Но что же было в тетради?

– Я могу предположить, что в ней были стихи, как и объявил во всеуслышание Гроздев. – Стихи, написанные его женой. Но только не старые – или, во всяком случае, не только старые. Потому что компьютером она не пользовалась, а где же еще записывать романтической даме лирические стихи, как не в собственной тетради?

– И ты думаешь, что они были посвящены Калугину? – недоверчиво произнес Сергей. – В это я могу поверить, но неужели Гроздева стала бы держать тетрадь на видном месте?

– А она и не держала. Тетрадь при переезде была спрятана в ящик вместе с остальными ее вещами. Но ящик попался на глаза Гроздеву, тот схватил то, что лежало сверху, и собирался предать огласке юношеские стихи супруги. Кстати, я не уверен, что там были именно стихи. Судя по тому, что рассказала Маша, с Гроздевой станется вести дамский дневник с подробным описанием своих переживаний.

– И ее любовник знал об этом. – Маша вспомнила веселого синеглазого Калугина, замкнутую Алевтину, старательно скрывающую раздражение на супруга, самого Гроздева, который ее утомлял так, как может постоянный ровный шум утомлять человека, привыкшего к тишине.

– Конечно. Не исключено, что решение начать собственный бизнес было связано с его отношениями с женой партнера. Но это только предположение и ничем не подтвержденная фантазия. А вот во всем остальном я уверен. Калугин спасал Алевтину – отсюда побег с тетрадью, пари и последующее исчезновение.

– Почему тогда он не отвечал на звонки? – поинтересовался Сергей.

– Но это совершенно очевидно! Калугин продумал все, кроме одного – объяснения, куда же на самом деле он спрятал тетрадь. И пока не найдет такое объяснение, он не будет брать телефон. Думаю, он выкрутится: например, скажет, что действительно отключил датчик и выбросил тетрадь в окно. Только для этого ему предстоит найти человека, который покажет ему, как отключать этот самый датчик. И, полагаю, решением именно этой проблемы и занят в настоящее время господин Калугин. Должен сказать

тебе спасибо, Маш, – твои ассоциации были хорошей подсказкой. Ты вообразила Калугина пиратом, то есть человеком, грабящим других. Закрывает вуалью лицо жене Гроздева – только маска могла бы явственнее сказать о том, что ты представляешь ее скрывающей свои чувства. А самого Гроздева назвала дровосеком.

– Дровосека не могу объяснить, – признался Сергей.

– Дровосек рубит деревья. Гроздев был тебе неприятен, Маш?

– Да. – Она кивнула. – Неприятен. Он из породы самоуверенных вульгарных людей, которые подавляют всех вокруг себя.

– Ну, разумеется. И ты любишь деревья. Какая-то деталь вызвала у тебя эту ассоциацию – человек, который уничтожает то, что тебе нравится. Может быть, тот можжевельник, который ты переставила на полку? Впрочем, это неважно. В результате получился дровосек. Но пират, отбирающий у хозяев их имущество, был самым ярким образом. После него сложилось и все остальное.

В комнате наступило молчание. Маша вспоминала людей, с которыми провела три часа, и думала о том, что будут делать дальше эти трое, разыгравшие сегодня сцену, в которой непонятно было до конца, кто кого обманывал. «Калугин убедительно расскажет, как именно он отключил датчик, и покажет, куда выкинул тетрадь. Ее, конечно, не найдут, и Алевтина будет выговаривать ему за глупые шутки. А Гроздев будет смотреть на них своими выпученными, как у быка, глазами, и неизвестно, что он подумает обо всем этом. Наверное, неправильно, что все мои симпатии не на его стороне, а на стороне того, кто так изобретательно защищал свою женщину, но я ничего не могу с этим поделать. Одно я знаю точно – больше я не пойду на вечеринки к Гроздевым. Пусть загадывают свои загадки без меня».

Илюшин выложил из камешков кошачью морду с разноцветными глазами – одним синим, другим зеленым – и посмотрел на друга. Сергей сидел, нахмурившись, и что-то обдумывал.

– Серега! – позвал его Макар. – У тебя кожа на лбу шевелится от напряжения. По-моему, мы все логично объяснили. Что тебя тревожит, мой глубокомысленный друг?

– Не могу отгадать твою идиотскую загадку, – буркнул тот. – Маленький, серенький и на слона похож – кто это такой?

На лице Макара промелькнуло изумление, а в следующую секунду он расхохотался.

– Так вот над чем ты думаешь! – проговорил он сквозь смех. – Ладно, скажу, как ни велико искушение заставить тебя провести бессонную ночь.

Это слоненок.

– Сло-не-нок? – по слогам переспросил Сергей, не веря своим ушам. – Слоненок?!

– Ну конечно! Он маленький, серенький и похож на слона. Все логично.

Глядя на лицо мужа, оскорбленного такой разгадкой, Маша рассмеялась вслед за Макаром.

– Иногда, ей-богу, не нужно искать черную кошку в белой комнате, – посоветовал тот, превращая кошачью морду с разноцветными глазами в кучку камешков и высыпая их в коробку. – Даже если тебя будут уверять, что она там есть.